

Яна
Жемойтелите

Смотри: прилетели ласточки

«Яркий хлопок выстрела
разорвал утро, и жгучая оса
впилась в лапу, заставив
Кроткую скатиться кубарем
вниз, в заросли шиповника.
В тот же миг петушиный крик
провозгласил пришествие
утра, и волчья шкура спала
с плеч Катерины».

«Калевальская
Волчица»

ИНТЕРЕСНОЕ ВРЕМЯ

Интересное время

Яна Жемойтелите

Смотри: прилетели ласточки

«WebKniga»

Жемойтелите Я.

Смотри: прилетели ласточки / Я. Жемойтелите — «WebKniga»,
— (Интересное время)

ISBN 978-5-9691-1859-1

Это вторая книга Яны Жемойтелите, вышедшая в издательстве «Время»: тираж первой, романа «Хороша была Танюша», разлетелся за месяц. Темы и сюжеты писательницы из Петрозаводска подошли бы, пожалуй, для «женской прозы» – но нервных вздохов тут не встретишь. Жемойтелите пишет емко, кратко, жестко, по-северному. «Этот прекрасный вымышленный мир, не реальный, но и не фантастический, придумывают авторы, и поселяются в нем, и там им хорошо» (Александр Кабаков). Яне Жемойтелите действительно хорошо и свободно живется среди ее таких разноплановых и даже невероятных героев. Любовно-бытовой сюжет, мистический триллер, психологическая драма. Но все они, пожалуй, об одном: о разнице между нами. Мы очень разные – по крови, по сознанию, по выдыхаемому нами воздуху, даже по биологическому виду – кто человек, а кто, может быть, собака или даже волчица... Так зачем мы – сквозь эту разницу, вопреки ей, воюя с ней – так любим друг друга? И к чему приводит любовь, наколовшаяся на тотальную несовместимость?

ISBN 978-5-9691-1859-1

© Жемойтелите Я.

© WebKniga

Содержание

Смотри: прилетели ласточки	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Яна Жемойтелите

Смотри: прилетели ласточки

© Я. Жемойтелите, 2019

© «Время», 2019

* * *

Смотри: прилетели ласточки

Огромный, до потолка, двустворчатый шкаф с зеркальными дверцами был сам как отдельный дом. В нем очень давно не висели женские наряды, потому что выжившая из ума бабка, которая некогда проживала в этом крыле, угасла очень давно, еще когда Вадим был маленький. А ему не так давно стукнуло тридцать четыре, значит, это действительно случилось очень давно, где-то в пятидесятых. Наденьке представлялось, что в ту эпоху женщины были похожи на женщин – в приталенных платьях, с юбками солнце-клеш, а мужчины на мужчин – в шляпах и двубортных пиджаках с ватными плечами. По крайней мере, старались люди тогда одеваться стильно. Сейчас вообще-то тоже старались, только одежда, которая висела в магазинах, на одежду вовсе не походила. То есть годилась разве что срам прикрыть, а более ни на что. И сапожки Наденька сносила вдрызг еще прошлой зимой, до замужества. Но сапожки Вадим ей обещал достать через каких-то своих московских знакомых. Он как раз собирался в Москву, в какое-то новое издательство, которое печатало фантастику, которую не печатали при советской власти. А у них в городе фантастику не печатали вообще никогда, даже в толстом журнале «Северные зори», хотя Вадим сам в этом журнале работал. Туда брали только деревенскую прозу и стихи про березки.

Пальто у Наденьки тоже сносилось за несколько предыдущих студенческих зим, манжеты пообтрепались. Новое пальто ей купила мама как бы на прощание, сразу после свадьбы. И теперь Наденьке казалось, что она Царевна-лягушка. То есть лягушка стала царевной, изменив свой социальный статус: Наденька окончила университет с дипломом филолога, вышла замуж, а значит, у нее были все основания одеваться не по-студенчески, в сестринские обноски, а прикупить наряды, приличествующие учительнице русского языка и литературы. Хотя она полагала, что это работа временная. Она никогда не мечтала работать учительницей, ей с детства хотелось стать писательницей или журналисткой на худой конец. Наденька тогда еще думала, что это почти одно и то же. Вот и написала статью о региональной художественной выставке, потому что живопись ей тоже нравилась, хотя она и окончила в родном городе филфак и книжки читать любила. Теперь мама говорила, что правильно сделала, что отдала ее на филфак, как будто Наденька была вещь, которую отдали в химчистку и там прочистили ей мозги от всяких глупостей. Глупости – это медицинский факультет, на который конкурс четыре человека на место. Не пройди Наденька по конкурсу – и что потом? В дворники или на фабрику валяной обуви. Последняя звучала слишком страшно – это ж надо валенки валять восемь часов подряд, русскую народную обувь! В общем, филологи с высшим образованием всегда при деле, давай-ка ты не дури.

Дурью называлось все, что Наденька делала по своей воле, не спросив разрешения. Однажды ей брюки купили не то чтобы на вырост – выросла уже Наденька, куда дальше, однако брюки оказались в полтора раза Наденьки шире. «Ну так поясом можно подхватить – и порядок, а зимой еще рейтузы пододенешь...» В общем, Наденька эти брюки распорол до кусочка и заново на себя перешила, узкие сделала, почти в обтяжку. Вот уж дурь-то какая! И не стыдно в таких ходить-то? – А вот не стыдно, не стыдно! Только относилась без настроения, потому что радость обновки была испорчена этим «не стыдно?». Потом однажды кофточку нарядную на занятия надела, просто по весне захотелось немного себя украсить. – Придумала тоже, в шелках на занятия ходить! Мать у тебя не миллионерша.

И это была правда. Простая совслужащая, мать сэкономила на мелочах, даже телевизор на ночь из розетки выдергивала, потому что он все равно энергию жрет, если вилка в розетке. И Наденьку учила быть экономной, потому что, ежели припрет, копейку просто так никто не даст. Поэтому платица Наденька надевала только по праздникам, брюки были гораздо экономнее: под ними можно было рваные колготки спрятать. А еще Наденькина мама мечтала,

чтобы дочка удачно вышла замуж. Но вот тут намечалось явное противоречие: разве можно вообще кому-либо приглянуться в брюках на три размера больше и кофточке в катышках с сестринского плеча?

Наденькина сестра, кстати, замуж еще в институте вышла за курсанта военного училища, на танцах познакомилась. Ну, танцы – понятное дело, кудри-мудри всякие, сестренка себя преподнести умела, да Наденьке еще и в школе казалось, что мама старалась сестренку поскорей на попечение какого-нибудь мужа передать, потому что сестренка была красивая, но глупая, а Наденька совсем наоборот. Училась отлично, а с виду – серая мышка, вот и проигрывала на фоне своей сестры. В общем, уехала сестренка с мужем в Венгрию, в военный городок, и теперь оттуда посылала импортные, но все же обноски. И в результате получилось, что это она удачно вышла замуж. Потому что в жизни случается именно так, что красивым – все. «Хорошо быть красивой», – думала Наденька, печально разглядывая в зеркале свои острые, почти детские плечики и оттопыренные, как у Чебурашки, уши. С такими ушами и сережки не будешь носить, чтобы лишний раз внимание не привлекать к ушам.

Сама Наденька замуж вышла неожиданно и почти случайно. Принесла в редакцию «Северных зорь» эту свою статью о республиканской художественной выставке, робко постучалась в дверь с грозной надписью «Отдел публицистики», а за этой дверью как раз сидел Вадим Петрович Сопун. Писатель, настоящий! Пусть пока неизвестный, но наверняка гений. Гениев ведь, как правило, не признают современники. А Вадим Петрович Сопун выглядел ну точно как гений – с торчащими в стороны таракаными усами, то есть не таракаными, конечно, а как у Сальвадора Дали. Работы Сальвадора только в моду входили, о них начинали говорить как о серьезном искусстве, таком же правомерном, как и живопись соцреализма. Наденька живопись соцреализма откровенно не любила. Именно потому, что она правдиво передавала действительность, столь же хмурую и дождливую, как и полотна мастеров известного жанра. Трудящихся еще живописали на этих полотнах так, как будто созданы исключительно для тяжелого ручного труда и готовы работать по 24 часа в сутки на фабрике валяной обуви. Фамилия у Вадима, правда, была неблагозвучная, но можно привыкнуть.

В общем, Вадим Петрович статейку ее одобрил, посоветовал только слегка сократить, потому что много в ней было воды, а сейчас нужна лаконичность. «Но в целом вполне прилично, барышня, вполне прилично, вам есть смысл писать». Ей польстила эта «барышня», потому что так ее еще никто не называл. И незаметно Наденька пристрастилась в «Северные зори» захаживать на чай. Тогда во всех редакциях чай пили с сушками и еще курили без зазрения совести прямо авторам в лицо. Наденька сама не курила, но ей уж очень хотелось быть поближе к литературе, приходилось терпеть и табачный дым, и общую неустроенность редакционного быта. Темно-синие стены, как в вокзальном туалете, коричневую от никотиновых масел штукатурку на потолке, мебель, которую, вероятно, выхлопотали для редакции сразу после войны... Да разве стоили внимания такие мелочи, если внутри этого не слишком уютного мирка ковалась настоящая литература. Рукописи нумеровались, регистрировались в толстом журнале, принимались и выбраковывались, отправлялись на редактуру и корректуру. В соседнем кабинете остроглазая техническая редакторша выполняла верстку с помощью ножиц и клея, отпуская непонятные реплики типа: «Тут растр полез». Какой растр? Куда полез? И что такое кегль и интерлиньяж? В общем, в редакции люди занимались, безусловно, нужным и сложным делом, и Наденька тоже очень хотела работать в редакции, но все должности были заняты.

На стене в кабинете Вадима Петровича висел портрет Барклая де Толли. Наденька сразу его узнала – лицо, знакомое еще со школы, и так ей еще показалось, что Вадим Петрович немного похож на Барклая, только с сальвадорскими усами. И ростом, наверное, чуть пониже, не такой длинноногий, как Барклай. Но что-то общее, несомненно, было. Заметив Наденькин заинтересованный взгляд, Вадим Петрович подтвердил, что они с Барклаем как

бы родственники. То есть бабкина сестра еще до войны вышла замуж за последнего из рода де Толли, но их вместе с мужем расстреляли в 1938 году. За что? А за то! За иностранное происхождение то есть.

– В семидесятых годах я в Ленинграде учился. Чтобы доехать до общаги в студгородок, надо было делать пересадку у Казанского собора, – рассказывал Вадим Петрович за чаем как-то уж чересчур гладко. Наденька даже смекнула, что он рассказывает эту историю десятый раз. – Первое время мне, провинциалу, бывало тоскливо. И я любил посидеть на заснеженной скамейке у фонтана перед собором, спиной к «бронзовому дядьке» Михаилу Богдановичу. Приятно было покурить, пивка попить, подумать обо всем без суеты, ощущая спиной что-то незыблемое и честное...

Наденька слушала, проникаясь мыслью, как мало она знает о жизни и как еще мало повидала на своем веку. А впереди светило распределение в малокомплектную деревенскую школу. Большинство сокурсников обзавелись справками о состоянии здоровья или даже собственными детьми, так что имели все шансы остаться в городе. А Наденька, как существо абсолютно здоровое и бездетное, вынуждена была выбирать деревню на жительство из длинного списка неперспективных, то есть таких, в которых из мужского населения к концу 1980-х остался в живых один тракторист. Ну и еще шофер автолавки, если это не одно и то же лицо. А замуж выходить все равно за кого-то надо.

Однажды Вадим Петрович позвонил ей просто так, без всякого дела, справился, почему она целую неделю не появлялась в редакции. «Заходи, чайку попьем», – он незаметно перешел на «ты». И Наденька пошла. На сей раз они говорили о Достоевском, Вадим Петрович, кстати, очень интересную версию выдвинул, что роман «Преступление и наказание» написан в виде фуги, это когда одна и та же тема перепевается на разные голоса. Идея Раскольникова так ведь и не была заявлена прямо, сказано только, что сперва Раскольников опубликовал по поводу какую-то статью, потом обсудил момент с Мармеладовым и с Сонечкой переговорил... Так а какая конкретно идея, как она словами оформлена – этого и не заявлено вовсе. Кстати, Федор Михайлович имел самую большую в России коллекцию топоров. О Некрасове Вадим Петрович тоже интересно рассказывал, что был Некрасов большой игрок и журнал свой толстый на выигранные деньги выпускал. А если случалось Некрасову проиграть, тогда и журнал не выходил. Не то что «Северные зори» – тут в лепешку разбейся, а по номеру в месяц выпусти. А печатать практически некого, тягомотину пишут, особенно старперы. Да еще и митинговать начинают в редакции: «Молодежь должна знать!..» Молодежь даже не в курсе, как выглядят эти «Северные зори».

Некогда Вадим Петрович сам ездил по семинарам молодых литераторов, печатался в «Авроре», «Уральском следопыте», «Костре», «Колобке», «Искорке», еще в нескольких журналах и альманахах, но в «Северные зори» его упорно не принимали. Однажды главред высказался почти без эвфемизмов: «Это там, в Москве, для кого-то ты открытие, а для нас ты говно!»

– «Северяне» год от году на встречах с читателями повторяли и повторяют, что они насквозь прогрессивные и передовые, потому что в 1967 году «Привычное дело» Белова напечатали. Двадцать лет прошло! И вот слушаю я наших «северян» и вспоминаю мачеху Сонечки Мармеладовой, как она со слезами умиления на глазах рассказывала собутыльникам мужа, будто на выпускном балу танцевала с шалью и сам губернатор ей ручку пожимал! Вот это кайф!

– Как же вас в редакции терпят? – невольно вырвалось у Наденьки.

Вадим Петрович смачно, в голос расхохотался:

– А это потому, что других дураков нет работать на мизерной ставке.

Честно говоря, Наденька сама до прихода в редакцию «Северные зори» не читала, ну, пролистала пару раз в библиотеке, и ей показалось неинтересно. Ей больше нравилась зарубежная классика – Оскар Уайльд, Джон Голсуорси и прочие английские аристократы, которые умели с тонкой иронией переживать все невзгоды и перипетии бытия.

Вот, впрочем, как и Вадим Петрович. Он жил в частном доме с печным отоплением на Старой Петуховке, почти в пригороде, то есть как бы за пределами освоенного пространства жизни. Был он на двенадцать лет старше Наденьки, но ведь в досюльные времена разница в возрасте была даже в моде. А что некогда был женат, так давно овдовел, и ребенок от первого брака проживал в деревне с родителями жены... Может быть, Наденьке просто захотелось самостоятельности, выпорхнуть наконец из родительского курятника и зажечь самостоятельно. Что она до сих пор видела в жизни, кроме университетской аудитории, Ленинграда и Москвы, где несколько раз в жизни бывала по случаю? Ей казалось, что то, что было до сих пор, никак не могло называться настоящей жизнью, потому что об этом и сказать-то было нечего. А та, настоящая жизнь, о которой писалось в книжках, протекала где-то в ином месте, где люди умели жить иначе. Как? Она и сама не умела этого объяснить.

А может, к двадцати двум годам ее стала тяготить чрезмерная мамина опека на грани мании, когда каждый захудалый кавалер рассматривался на предмет перспективы, в том числе не еврей ли он или, не дай бог, кавказец, не претендует ли прописаться в их квартире и т. д. Конечно, это была такая форма проявления любви. В смысле – с маминой стороны. Но когда барышню в родном доме любят с такой неистовой силой и с другим отношением вовне ей не доводилось еще столкнуться – Наденьку и в школе хвалили за отличные оценки, и в университете, – ей представляется, что и весь мир не может относиться к ней как-то иначе, несмотря на множество ее недостатков, главным из которых были, конечно, оттопыренные уши.

Петуховку отрезала от города железная дорога и длинный ряд гаражей, параллельно которым тянулось шоссе. Автобус останавливался только по требованию, и от этой остановки, пятка забетонированной суши, открытого всем ветрам и дождям, народная тропа вела к железной дороге и дальше, к кучке домишек на пригорке. И если поперек тропы вдруг останавливался длиннющий товарняк, ничего иного не оставалось, как лезть через сцепление вагонов или между колес, потому что по буеракам, да еще в темноте поезд не обойдешь, причем по этому поводу в Старой Петуховке никто особо не миндальничал: мол, да что с тобой станется? На памяти обитателей под колесами погибла только одна собака. Отправилась погулять да и сложила голову на рельсах по глупости.

Однажды так случилось, что Наденька с Вадимом Петровичем, Вадимом, полезли через состав. Она, конечно, переживала, но он ее так крепко за руку держал, что стало понятно, что бояться нечего. Нет, вот эта мужская крепкая рука, протянутая в нужный момент, скорее всего, и решила дело. Наденька с сестрой выросли без отца, поэтому она плохо представляла себе, что такое мужчина в доме вообще. А тут вдруг невольно выдернулось воспоминание, как папа ее за ручку из детского сада ведет. И она чуть не заплакала – думала ведь, что она этого не помнит, а вот, оказывается, помнит!

Вадим сам бывал до слез сентиментален. Она заметила это впервые на фильме «Амадей», в котором Моцарт изображался как дурачок, сочиняющий божественную музыку. И вот на этой самой музыке Вадима пробило, он даже носовой платок у Наденьки попросил, а она сидела и думала: «Надо же». Потом, когда вышли из кино, он признался, что впервые это случилось с ним на золотистой пятке блудного сына, когда он Рембрандта увидел в Эрмитаже. Вроде бы ничего особенного – золотистая пятка, а он стоял и плакал, потому что это не просто пятка, а сожаление о потерянных днях. В этот момент Наденька подумала, что когда-нибудь ей тоже будет тридцать четыре года – и что тогда? Станет ли она сожалеть о потерянных днях? Или радоваться, что провела их с человеком, который видел настоящего Рембрандта? И вспоминать, как они вместе бродили по выставочным залам, кафе и кинотеатрам...

У кинотеатра, в закутке между колоннами, лежала большая рыжая дворняга и с упоением грызла кость. Наденька почему-то несколько раз оглянулась на эту дворнягу, подумав, что вот сейчас они выходят из кино, а у колонн лежит рыжая собака. Что в этом необычного? А то, что этот вечер больше не повторится. И когда-нибудь будет так, что не будет этой собаки, а

потом их самих не будет. И так происходит буквально каждую минуту – картинка дня стирается и поверх на чистом листе пишется что-то новое. Разве можно это все выразить? Музыкой, цветом, словом?

В общем, Наденька вышла замуж, разочаровав своим выбором и маму, и прочих родственников и знакомых. Как пелось в известной песне, «жених неприглядный такой». А она с первого гонорара в «Северных зорях» купила себе фланелевый халат травянистой зелени с темно-розовыми цветами. Он, может быть, и был атрибутом советского мещанства, но, во-первых, органично вписывался в картину семейной жизни, во-вторых, вовсе не походил на застиранное рубище, в котором обычно из экономии ходила мама.

Еще Наденька поставила на окошко герань и села у этого окошка ждать, когда же наконец грянет ее семейное счастье.

* * *

А оно будто и не спешило проклевываться. То есть что-то такое плескалось, но совсем не так представлялось заранее. Поначалу было даже интересно топить печь и готовить эти завтраки-обеда-ужины, не вылезая из халата цвета травянистой зелени, хотя по-настоящему она и не умела готовить, но вот пришлось. Мыть посуду в тазике с нагретой водой было уже совсем неинтересно, однако она и с этим смирилась, потому что это ведь просто быт, пусть даже очень сложный, если не сказать ужасный. «Ты у своей мамочки жила в тепличных условиях, – жестко заявил Вадим. – Я тебе таких создать не могу». И Наденька тут же ощутила легкий укор совести – за то, что она на всем готовом жила, а так ведь быть не должно. Романтика всегда сопряжена со сложностями бытия. Как там звучало определение: «необычный герой в необычных обстоятельствах» – это точно. Вадим отличался от прочих известных ей людей хотя бы собственным мнением, и место было точно необычное: Старая Петуховка с частными огородами, водокачкой, тощими свиньями и грубыми деревенскими нравами была вырезана не только из города, но и вообще из века.

Неподалеку находилась церквушка со старым погостом, и колокол зазывал редких еще прихожан дребезжащим старческим голоском, на который всякий раз ругался отец Вадима, старый коммунист Петр Николаевич, проживавший во флигельке. Семейному счастью он особенно не мешал, пробавлялся самостоятельно на свою пенсию, выпить, правда, любил и в пьяном виде распевал до ночи «Славное море, священный Байкал...». Он гидробиологом был по профессии и некогда изучал водную фауну Байкала. Ну, это сразу после войны, которую Петр Николаевич закончил в Берлине. И по пьянке же рассказывал, как они, бывало, отловят немку и вколят ей в вену молоко или еще какую дрянь, чуть ли не собственную сперму, – у немки температура под сорок. Помрет, так и хрен с ней, а не помрет, так бледные спирохеты погибнут, и никакого тебе сифилиса. А дряни из Германии наши вояки немало привезли вкупе с немецким барахлом. В такие минуты Наденьке становилось по-настоящему страшно, однако Вадим только отшучивался, что не стоит обращать внимания на старого пердуна, тем более коммунаку. Он с именем Сталина на устах когда-нибудь концы отдаст...

И верно: в огромном, до потолка, двустворчатом шкафу с зеркальными дверцами висел сталинский китель Петра Николаевича, в котором он завещал себя похоронить. За жизнь Петр Николаевич слегка усох, поэтому китель был ему явно великоват – Наденька заметила это, когда Петр Николаевич его на свадьбу надел. С другой стороны, если на свадьбе в кителе красоваться можно, почему же в гробу нельзя? Там-то не все ли равно?

Несколько лет назад, как Вадим рассказывал, вызвали отца в обком партии по случаю пятидесятилетия пребывания в рядах КПСС. Петр Николаевич тогда тоже этот китель надел и в обком направился. А там ему в торжественной обстановке вручили килограмм гречки. Когда он дома пакет этой гречки поставил на стол, Вадим заметил, что надо ж было пятьдесят

лет делу партии отдать, чтобы заработать гречки один кэгэ. Отец тогда посуровел и молча вышел вон. Через минуту вернулся с топором, занес над головой и жажнул с плеча. Хотел топор просто в стенку вогнать, только попутно, не намеренно же, Вадима по черепу задел, кожу раскроил, в травмпункте потом зашивали. Вадим медикам сказал, что сам себе неосторожно по черепу чиркнул, когда дрова рубил. Шрам, конечно, остался и на бритой голове Вадима рисовался довольно четко. Наденька поначалу боялась к нему прикоснуться, ей все казалось, что Вадиму до сих пор больно, хотя он даже по этому поводу историю присочинил, что это орел спланировал и когтем задел. По куриную душу орел прилетал, а Вадим якобы принялся метлой его выгонять. Огромный орел был, с во-от такими крыльями! Руки у Вадима были коротковаты, поэтому орел получался у него несуразный и крыльями бил по-петушину.

Однако истории Вадим сочинял действительно здорово. Приятель у него работал на радио, так вот однажды на первое апреля они в эфир сообщение пустили о том, что камни, обнаруженные в почках местных жителей, идеально подходят для нового японского лазера и потому дорого ценятся в Стране восходящего солнца. Ну и звонило местное население несколько дней в редакцию с предложением поменять камешки на деньги.

И еще одна история была, которую Вадим на ночь Наденьке рассказал. Осенью ночи глухие уже стояли, темные, а фонарей на всей Старой Петуховке всего два-три, на въезде и на выезде, прочая же территория освещалась естественно, луной, ежели таковую не затягивали тучи. И вот глядела как раз в окошко страшная темно-желтая луна, от которой никак не спалось, а Вадим еще решил историю рассказать, как он однажды решил к своему дальнему родственнику на заимку съездить, проведать старика Филиппыча, который с женой в деревне жил, пробавляясь дарами леса и собственным хозяйством. Свиной держал, козу... Ну, приехал Вадим к дядьке, а тот смурной сидит, жена, говорит, лихорадкой померла, давай помянем Татьяну Михайловну. Вадим посокрушался, добрая была старуха Татьяна Михайловна, и бутылочку из рюкзака достал. Благо с собой прихватил. А дядька за солониной в погреб спустился. Выпили, закусили, и тут наряд милиции в дверь барабанить стал. Дядька – шаст в окно и деру, только все равно далеко не ушел – повязали. Оказалось, Филиппыч жену из ревности зарубил и в бочку покрошил на солонину. А люди глядят – пропала у Филиппыча жена-то, а ему хоть бы что. Померла, говорит. Дак а где могила-то? В общем, так вышло, что собственную тетку съел Вадим...

– Как это тетку съел? – Наденька ни жива ни мертва лежала и не представляла даже, что ей делать. Выбраться из постели и сбежать от людоеда к маме? Но ведь на улице так темно! Только страшная темно-желтая луна освещала Петуховку, затекая в просвет штор и дальше, в приоткрытую дверцу огромного шкафа, в котором висел сталинский китель Петра Николаевича...

– Глупая! Ты и поверила? – рассмеялся Вадим. – Да это же просто сказка такая на ночь. Не бойся, я же добрый. А ты слишком легковверная, Наденька, нельзя же так!

– А про себя напраслину такую городить разве можно? – сквозь слезы пролепетала Наденька.

– Да врать я не умею, а вот фантазировать люблю. Фантазия дает человеку свободу. Знаешь, рассказик есть такой у Чехова, кажется. Померла у почтмейстера молодая жена, сидит он за поминальным столом и рассказывает гостям, что пуше всего любил ее за абсолютную верность. А гости недоверчиво так переглядываются, мол, знаем мы эту верность. Тогда почтмейстер признался, что сам же распространил по городу нехороший слух. Намеренно говорил каждому, что жена его Алена сожительствует с полицмейстером Залихватским. И всякий сразу же понимал, что на Алену и заглядываться не стоит – полицмейстер пять протоколов составит, и беды не оберешься. И гости в результате очень разочарованы были...

Смысл отсылки к классику Наденька поняла только на следующее утро, по пути в школу, когда, невыспавшаяся, чапала в резиновых сапогах по петуховской грязюке. Это что же, Вадим

намеренно себя чудовищем выставляет, чтобы никто на нее, Наденьку, видов не имел? Какую же свободу дает ему эта его фантазия? И вообще, разве кто позарится на школьную учительницу русского языка с оттопыренными ушами да еще в резиновых сапогах? Новые сапожки-то до заморозков не надеть! Наденька каждое утро придирчиво рассматривала себя в зеркале огромного шкафа. Худенькая девочка в зеркале больше походила на старшеклассницу, чем на учительницу, несмотря на накрашенные глаза и перманентную завивку, которую пришлось сделать еще из практических соображений, чтобы не так часто мыть голову. В тазике волосы промывались плохо, да и споласкивать их воды не напасешься.

Нет, если разобраться, с Вадимом было нескучно. Только вот курил он много, с самого утра и до самой ночи. И засыпал с сигаретой, и вставал – тут же за сигаретой тянулся. Наденьке это было неприятно, и даже в школе ей стали замечания делать, что не следует педагогу так много курить – тянуло от нее за версту табаком, как от грузчика. От волос тянуло и от одежды, которая теперь висела в огромном шкафу с зеркальными дверцами рядом со сталинским ките-лем. И жаловалась она Вадиму, а тот отвечал, что он уже сформировался как личность, как там в учебниках пишут, и от привычек своих отказываться не собирается.

Еще существовала проблема еды. В глобальном смысле она касалась всех, причем на памяти Наденьки так было всегда. Мама умудрялась варить какие-то супчики из сущика или рыбных консервов, но с Вадимом это не проходило. Его надо было кормить по-настоящему, а не сушиком или блинчиками с вареньем. Да, именно: «Я жрать хочу, а ты меня блинами кормишь». В магазине, конечно, лежали на полках огромные кубы маргарина и комбижира, продавался томатный сок в трехлитровых банках и подсахаренная вода под названием «Березовый сок». Еще торговали очень полезной морской капустой, по поводу которой Наденькина школьная подруга придумала устраивать дегустации прямо в гастрономе. Она окончила Ленинградский институт торговли и вернулась домой в качестве завмагазином. А еще она иногда подбрасывала Наденьке дефицитной докторской колбасы, которой в свободной продаже просто не было. Впрочем, ничего другого, что можно было поесть, в магазине тоже не было, все это надо было достать. А Наденьку в университете научили только книжки читать и обсуждать прочитанное. Иного Наденька толком не умела, тем более что касалось всякого дефицита.

Однажды Вадим решил Наденьку немного жизни подучить. Машина песку понадобилась Петру Николаевичу для огорода. Грядки у него знатные были, на них даже капуста по осени росла, кудрявая такая, похожая на огромные зеленые розы. Так вот кое-что присыпать надо было песком, чтобы сорняк не лез. А откуда столько песку возьмешь? Вопрос решался очень просто: через Старую Петуховку самосвалы возили песок в промзону, на самую оконечность города. И если встать на обочине с талонами на водку, раскинув их веером, то очень даже вероятно этот песок заполучить в огород. Поскольку школьный день заканчивался рано, именно Наденьке нужно было на обочине с талонами встать, чтобы грузовик с песком поймать. Ну, встала она на обочине возле поворота на промзону. Грузовики мимо проносятся, из-под колес грязь летит, никто на нее внимания не обращает. Потом один притормозил: чего надо-то?

– Да вот, – Наденька отвечает, – у вас машина песку, а у меня талоны на водку.

– Садись давай, – водила ответил, как будто сплюнул. Он вообще говорил грубо и отрывисто и так же грубо с места рванул, развернулся на перекрестке, но опять затормозил и пристроил грузовик на пустынном пяточке. – Тут талонами не отделаешься. Давай, только побыстрому.

Наденька постеснялась спросить, что еще ему кроме талонов нужно, только молча сидела, теребя пальцами талоны. А водила тем временем ширинку расстегнул...

Как ее из грузовика выдуло, Наденька и не помнила, и как потом бежала прочь, меся резиновыми сапогами грязь. Очнулась только возле калитки. В дом вошла, прямиком на кухню, мятые талоны на стол бросила:

– Все. Не будет вам никакого песку.

Петр Николаевич что-то проворчал под нос, вроде «все не слава богу», и отправился в свой огород, а Вадим усмехнулся немного зло.

Наденька бессильно опустила на стул возле окна. На кухне было тепло, на плите дышала горячая картошка, присыпанная укропом. И то, что только что с ней случилось, показалось вовсе из параллельной реальности, будто не из ее жизни. Хорошо, что этого не видела ее мама. И вообще никто из ее знакомых. Наденьке впервые захотелось выругаться вслух, но она промолчала. Во-первых, потому что ругаться не умела вовсе, губы у нее не складывались, чтобы ругательство произнести. Во-вторых, она бы тут же раскаялась в том, что сказала. Даже не потому, что была слишком кроткая, а так всегда получалось, что стоило ей начать мысленно анализировать ссору, как вывод напрашивался, что она сама же во всем виновата. Ну, не так с самого начала с этим водилой себя повела, вот он и вообразил себе неизвестно что.

Посидела на кухне, послушала, как ворчит электрический самовар, выпила чаю с клубничным вареньем – Петр Николаевич наварил, – оттаяла и подумала, что ничего же, в сущности, не произошло. Подумаешь, какой-то водила пристал. Но на трассу она больше не пойдет, вот уж дудки. Да неужели она так выглядит, что любой шофера... Это же какие примитивные инстинкты движут человеком, если он ничего не понимает, кроме секса, секса, секса. А ведь в школе тоже учился, поэзию там всякую проходил.

Ей даже не хотелось плакать, хотя еще месяц назад она бы в этой ситуации точно заплакала, потому что семейная жизнь оказалась вовсе не такой, какой представлялась. Где она видела эту семейную жизнь, кроме как в кино? Она же не знала, что мужчина все время хочет есть, а еда покупается за деньги, которых едва-едва на эту еду хватает и больше ни на что. Статеек больше она не писала, гонораров, соответственно, не было, приходилось пробавляться не ахти какими зарплатами – школьной и редакционной. Однако главное разочарование состояло вовсе не в этом. В конце концов, все вокруг жили далеко не богато, однако жили. И даже умели радоваться тому малому, что имели. Однако Наденька изначально плохо представляла, как это – каждую ночь делить с мужчиной постель. Пропуском в это таинство почему-то служило свидетельство о браке, которое в загсе выдала им обыкновенная тетка с квадратным лицом, и вот благодаря этой бумажке ее строгая мама наконец смирилась с мыслью, что Наденька теперь будет спать с мужчиной. То есть Наденьке просто-напросто выдали справку, которая разрешила ей безнаказанно заниматься сексом, и само это уже казалось более чем странным. Вдобавок Вадим безбожно храпел, а когда и бессовестно пускал ветра прямо под одеяло, отшучиваясь, что это просто непосредственность Сопуна. Наденька подумала невзначай, что совершенно правильно осталась при своей фамилии Балагурова, хотя подозревала, что ее все равно за глаза будут звать Сопунихой. Однако пока что прозвище не приклеилось.

В школе к ней прочно приросло отчество, ее называли исключительно Надеждой Эдуардовной, и ей это нравилось. Отчество, по крайней мере, выделяло ее из толпы старшеклассниц, которые хотя и носили школьную форму, однако большей частью были в полтора раза шире Надежды Эдуардовны. Вадим подшучивал над ее тощей задницей, хотя прежде Наденьке казалось, что задница у нее в самый раз и бедра стройные, на них весьма ладно сидели джинсы, но в школу в джинсах ходить не то чтобы запрещалось, но и не приветствовалось. И все-таки Наденька иногда появлялась на уроках в джинсах, потому что джинсы – ну чем не штаны? И когда завуч школы Мария Ивановна Шкатулкина – Шкатулочка в просторечии – вызвала ее на разговор, Наденька была уверена, что речь пойдет о джинсах. А ведь джинсы были у нее советского производства. В них в прошлом году нарядили всю их студенческую группу по случаю юбилея республики, и они торжественной колонной прошли по площади как лучшая студенческая группа чуть ли за всю историю университета. И вот теперь Наденька приготовилась услышать, что джинсы не соответствуют моральному облику учителя...

Шкатулочка действительно завелась по поводу морального облика, что-де учителю не пристало курить как лошадь... «Вот уж и вовсе неверный образ», – подумала Наденька про

каплю никотина, от которой эта самая лошадь может откинуть копыта, но оправдываться не стала, решив выслушать Шкатулочку до конца. А та вдруг принялась выговаривать Наденьке, что негоже педагогу на трассе стоять на глазах у всей Старой Петуховки, какие бы там ни были личные мотивы. Всякий по этому поводу думает известно что.

– Да-а? И что такое думает этот всякий? – не выдержала Наденька. – Стану я всякому объяснять, что мне машина песку нужна была в огород. И что поймать ее можно только на нашей трассе!

– Это тебя никак Сопун на трассу отправил? – неожиданно перейдя на «ты», хмыкнула Шкатулочка. – Понятное дело.

– Что вам понятно? – Наденька даже растерялась.

– Что одну жену загубил, теперь за вторую взялся, – попросту, даже по-бабьи откровенно ответила Шкатулочка и, вздохнув глубоко, из самого средостения, принялась перекладывать папки на столе, давая понять, что разговор исчерпан.

Последнее осеннее солнце било в окна. В такие дни Наденьке бывало отчаянно жаль ушедшего лета и облетевших листьев, хотя одновременно она понимала, что все идет своим чередом и что на месте облетевших романтических иллюзий рано или поздно отрастут новые. Иллюзии? Или все-таки опыт? Вот у Шкатулочки богатый жизненный опыт, на основании которого она судит об окружающих, не допуская мысли, что человек вовсе не обязательно должен укладываться в отработанную схему. Наденька шла по школьному коридору, чуть пошатываясь от неожиданного откровения: «Одну жену загубил...» И тут неожиданно прорезалась на поверхность сознания фраза Шолохова, кажется, из «Тихого Дона»: «Бабское сердце, Гриша, беречь надо. Остальное все у нее износу не знает...» Или как-то так, она не помнила точно и сама не поняла, к чему вдруг припомнилась фразочка, которую они в свое время мурыжили на семинаре не по литературе даже, а по научному коммунизму. Что прежде к женщине относились как к рабочей скотине с намеком, конечно, на какие-то чувства, но в первую очередь брак был институтом экономическим. И Ленина еще туда приплели, – это тоже вспомнилось мимоходом, – про то, что женщина должна быть освобождена от домашнего рабства, для этого необходимо развить сеть прачечных и столовых... Из школьной столовой нестерпимо тащило пирожками, и Наденька поняла, что она вдобавок ко всему прочему очень хочет есть. В последнее время ей все чаще вспоминались незатейливые мамины супчики, винегреты и прочая стряпня, о происхождении которой она не задумывалась прежде. Но так было хорошо вернуться с учебы домой и что-нибудь перехватить...

– Чай и два пирожка с повидлом.

Она подумала, что надо бы и домой пирожков прихватить. Это вообще хорошая еда – вкусная и сытная к ужину. То есть эта мысль сама собой возникла в ее головке, не привыкшей задумываться о хлебе насущном. В следующую секунду Наденька спохватилась, о чем же это она думает и куда подевались все прежние ее мысли, например, о поэтике Куприна... Но можно ли было в ее ситуации думать о какой-то поэтике? Решительно нет. Потому что на доньшко тяжелым камнем легло замечание Шкатулочки. Может быть, Мария Ивановна Шкатулкина, вовсе не подумав, ляпнула черт-те что. Вот мама однажды высказалась про своих соседей, что они у нее ключи от сарая украли, а недели через две нашла эти ключи в ящике трюмо, сама же их туда и припрятала, чтобы никто не украл...

* * *

– Стерва Танька была порядочная, оттого и потонула, – поедая школьные пирожки, Вадим отрезал коротко, потом все-таки добавил: – Речку хотела переплыть, да отнесло течением ее на пороги. Она ж ни в чем уступать не желала. На спор поплыла.

– С тобой поспорила? – уточнила Наденька.

– Нет. Мы с ней тогда уже развелись. Говорю, стерва та еще. Любовник у нее был в деревне. Ему эту речку переплыть – что два пальца... А Танька телом легче, вот и не справи-лась с течением... Нет, если ты готовить не научишься, я в твою столовку буду ходить. Хорошо они пирожки пекут.

Конечно же, он пошутил по обыкновению, грубовато, но не зло.

Церковные колокола отзывались тоненькими старушечьими голосами, будто настой-чиво вопрошая: «Где же Бог, добрый Бог?», и в возникшей паузе, заполненной перезвоном, Наденька невзначай подумала, может ли память человека оставаться в зеркале? Ведь так полу-чается, что в зеркале на дверце огромного шкафа в свое время отражалась еще и первая жена Вадима Татьяна. Пусть недолго, они прожили всего-то около двух лет, а потом, как сказал Вадим, она взбрыкнула и уехала в деревню к родителям. И маленького сына туда увезла. А вот теперь они встретились в этом зеркале – мертвая Татьяна и живая Надежда. И бабка Вадима, наверное, тоже ушла в зазеркалье, и ее сестра, которая вышла за последнего де Толли, и все женщины Сопунов отразились в нем. Но вряд ли можно у них выведать, почему Шкатулочка сказала, что это Вадим жену загубил. Если б они не развелись, да. Тогда б она осталась жива. Но не он же, в конце концов, виноват! И наверное, она тоже его любила, этого мужчину, кото-рого Наденька считала во всем выше себя. Или это он ей так внушил, что Наденька во всем его ниже.

– Давай договоримся, – сказал Вадим, – что нам с тобой нельзя будет развестись. Вот как я не могу развестись со своим отцом.

– Почему же так жестко? – спросила Наденька.

– Потому что не хочу быть среднестатистической единицей. По статистике, распадается каждый второй брак.

– Нет, я не про это, – Наденька спешно поправилась. – Я говорю, почему у вас все так жестко с отцом?

– Потому что коммуняка он хренов, вот почему!

– Ну и что. Он же искренне в коммунизм верил, а не ради карьеры.

– Ага, верил. И в боевое братство! – произнес Вадим как-то озлобленно.

– А что плохого?

– Ты действительно хочешь знать? – Вадим помял «беломорину», прежде чем сунуть в рот. – Был у отца боевой друг дядя Вася, тут недалеко в поселке жил. И сынок у него почти мой ровесник, поздний ребенок, тряслись они над ним. Только непутевый какой-то сынок. То под машину угодил на переходе, потом у него туберкулез обнаружили, запущенный уже. Ну, родители вовремя не подсуетились – кашляет пацан и кашляет. Оказалось, уже вторая стадия.

– Туберкулез ведь лечится, – неуверенно сказала Наденька, представив этого мальчика и успев ему посочувствовать.

– Лечится, да. Была у меня как раз собака, Тузиком звали. Он за мной повсюду бегал, как на привязи, хотя самый обычный пес, я его возле магазина еще щенком подобрал... Так вот однажды отец дядю Васю собрался навестить и Тузика с собой взял. А вернулся без Тузика. Сказал, что в поселке оставил дом охранять, как будто наш дом охранять не надо. Я плакал и все допытывался, когда же Тузик вернется. А через год мне мама сказала, что Тузика моего съели.

– Что?

– Туберкулез якобы лечится собачьим мясом. Может, это и неправда, но чего не сдела-ешь с отчаяния? Причем собака должна быть не уличной, а домашней, чтоб без всяких инфек-ций... В общем, уговорили они моего папашу. И папаша поступил как настоящий коммунист, выручил боевого товарища.

– И что, вылечился мальчик? – Наденька нервно сглотнула.

– Нет. Все равно помер. А отец мне тогда сказал, что, мол, подрастешь – поймешь. А я вот до сих пор понять не могу... – голос его дрогнул.

Свет желтой лампочки под потолком резал глаза. А может, это происходило от крепкого табачного дыма, но сам электрический свет показался вдруг болезненным и почти ядовитым.

Вадим подошел к буфету, крашенному масляной половой краской, достал оттуда шкалик, хранившийся в самом углу, за стопкой тарелок, и две рюмки.

– Выпьем, – он разлил водку по стопкам и настойчиво предложил Наденьке: – Пей!

Водка имела мерзкий привкус, и Наденька поспешила перебить его пирожком. Едва надкусив, Наденька подумала, что мерзость, может быть, таится за дверью каждого дома, просто люди не выпускают ее наружу. И самое главное, что мерзость – это и есть самое средостение жизни, а вовсе не школьные парадные линейки, на которые положено надевать учительское строгое платье вкупе со строгим лицом. И не школьные сочинения о родине. И даже не художественные выставки, призванные создать иллюзию, что окружающий мир прекрасен. Все как будто договорились притворяться и коллективно врать. А стоит человеку прийти домой и снять парадную форму, как он превращается в довольно примитивное существо, занятое удовлетворением примитивных потребностей, как сформулировали бы на уроке обществоведения. А попросту говоря, человеку не надо больше ничего, кроме как набить брюхо, потрахаться, ну и залить за воротник, чтобы, значит, не думать о том, что он настолько примитивен. Вот вам и вся изящная словесность, товарищи, которую пытались вдолбить в голову уже не одному поколению, да все как-то мимо. И ведь она сама, Наденька, понимает, в какой мерзости оказалась, а вот сидит себе и пирожок жует с аппетитом и точно так же, как все, цепляется за эту мерзкую жизнь...

– У меня об этом есть ненаписанный рассказ, – сказал Вадим. – Написать – это как будто занозу выдернуть и, может быть, даже простить. А я так и не могу отцу простить. Поэтому и не пишу...

Как будто в ответ, из флигелька донеслось «Славное море, священный Байкал...».

– Это изначально арестантская песня, – заметил Вадим. – Отец не хочет понять, что в своей стране прожил как арестант.

– Он всегда столько пил?

– Нет. Хотя прикладывался, конечно. А когда мать умерла – тут и в запой впервые ушел, потому что никак понять не мог, как это она его одного бросила. Она его обслуживала всю жизнь, а он ее замечал, только когда она ему кальсоны постирать забывала... Отец, кстати, твоей мамашей интересовался. Говорит, она же в самом соку, особенно задница. Не то что у дочки, – и Вадим раскатисто расхохотался, как, по обыкновению, всегда смеялся собственным шуткам.

Настенька вспыхнула, а Вадим, подогретый водкой, продолжил, едва взяв дыхание:

– Представляю, захожу я к отцу, а у него твоя мамаша на коленях сидит...

Слезы крупными каплями брызнули на клеенку с ромашками. Ту самую, которую Наденька покупала с мыслями, что вот на этой клеенке будет стоять ее фарфоровая чашечка. Заодно вспомнилась и чашечка, подаренная на свадьбу, которую Вадим через три дня неосторожно разбил, и Наденька зарыдала в голос.

– Кажется, я палку перегнул, – Вадим впервые за семейную жизнь стушевался. – Ну, дурак Сопун. Ты разве не поняла до сих пор? Прости дурака, Наденька, что ты! Хочешь, завтра на открытие выставки ходим в музей? Мы с тобой теперь не ходим никуда. А ты потом статью напишешь про эту выставку...

Вадим осекся, как будто не договорив, а Наденьке показалось, что он хотел сказать: «... и все опять будет, как прежде» – выставки, разговоры о литературе, кино и мороженое перед сеансом. Когда же все это успело кончиться? И почему потухла искорка той веселой жизни, в которой им вдвоем было очень легко? Может быть, Вадим подумал об этом, поэтому и осекся?

Дрова потрескивали в печи, огонь бился за чугунной дверцей, как что-то живое, доброе и злое одновременно. Осенний ветер гулял за окнами, и силуэты голых деревьев рисовались в раме окна, Петр Николаевич полупел-полуплакал за стеной, как брошенный на произвол судьбы пес. И Наденька подумала, как хорошо, что мама ничего не знает о том, что временами бывает до того страшно жить, что хочется умереть.

Но вместо этого всего вслух Наденька сказала:

– Отнеси отцу пирожков, что он там один сидит.

В дверь постучали, даже настойчиво забарабанили кулаком.

– Да вот он и сам идет, – ответил Вадим.

Однако это был не Петр Николаевич, а Шкатулочка, плотно упакованная в черное стеганое пальто. Шкатулочка, изобразив на лице радость от встречи с Наденькой, расшаркалась на пороге: «Здравствуйте! Позвольте пройти?» Тон ее и сама фраза показались Наденьке неискренними, деланными, и она пролепетала: «Проходите, Мария Ивановна», тут же будто оправдываясь перед Вадимом: «Это завуч нашей школы...» Наденька уловила готовое слететь с его губ: «А какого ...», однако Шкатулочка поспешила объяснить:

– Я, как депутат райсовета, инспектирую условия жизни молодых специалистов.

Вынырнув, как из кокона, из своего пальто, она решительно прошествовала внутрь, и от ее начальственного глаза, конечно, нельзя было утаить шкалик и простую закуску на клеенке в россыпи ромашек.

– Тепло у вас, чисто, – с некоторым удивлением даже произнесла Шкатулочка.

– А вы чего ожидали? – встрял Вадим.

– Ну, знаете ли, район у нас сложный. Всякого народу хватает...

– Я не всякий, – завелся Вадим. – Я в «Северных зорях» работаю, между прочим, а не бичую. Так что Надежду Эдуардовну обеспечить всем необходимым могу.

– «Северные зори» – уважаемый журнал. Я свежий номер всегда в библиотеке беру, – Шкатулочка постаралась загладить свою невольную оплошность.

– «Северные зори» интересны добропорядочным гражданам пенсионного возраста, – подхватил Вадим. – Поэтому их тираж и падает: идет естественная убыль подписчиков. А читателям моего поколения, которым чуть за тридцать, этот журнал откровенно неинтересен. Я на днях прямо сказал на планерке, что читать его – как с тугого похмелья портянку жевать...

Наденька зажмурилась, ожидая, что Шкатулочка взорвется, однако Мария Ивановна продолжила абсолютно ровным тоном:

– Что же вы на собственную редакцию жалуетесь? Раз уж вы там работаете, так извольте сами сделать журнал интересным...

Наденька с ней внутренне согласилась, причем не без удивления, потому что не может быть, чтобы ничего поделать с этим журналом было нельзя. Однако Вадим только отмахнулся, болезненно сморщившись.

Шкатулочка еще спросила, где находится Наденькино рабочее место, за которым она готовится к урокам. И, узнав, что такого в принципе не существует и что Наденька чаще всего готовится за кухонным столом, только покачала головой, украшенной традиционной химией. Наденька заметила, как заманчиво при этом вспыхнули красные огоньки сережек Шкатулочки, и с сожалением подумала, что ее собственные оттопыренные ушки такими огоньками украшать не стоит.

Когда Шкатулочка, обувшись и спрятавшись до самого носа в стеганое пальто, выкатилась во двор, Вадим выругался от души, длинно и смачно. А затем, прикончив шкалик прямо из горла, попытожил:

– Видно, что из бывших обкомовских шлюх. Они все потом идут в депутаты. Или культуру с образованием поднимать.

– Она учитель математики, – сказала Наденька.

– Все шлюхи чему-нибудь да обучены, кроме как начальственный хрен сосать. Их в обком прямо с университетской скамьи берут, комсомольских активисточек.

– Всех?

– На этом наше государство стоит. Проституция была всегда. В языческие времена – храмовая. А при однопартийной власти возникла скрытая партийная. До 35–40 лет партфункционерок используют в обкомах и райкомах КПСС и ВЛКСМ по прямому назначению. Потом их надо куда-то девать. А куда? На фабрику валяной обуви бывшую партфункционерку директором не поставишь – глупая она, еще провалит госплан по выпуску народной обуви. Поэтому подержанные обкомовские шлюхи вдруг начинают рьяно защищать мораль и нравственность своих подчиненных. Думаешь, почему дамы во власти такие чопорные? Потому что стремятся от бурной молодости отмежеваться, вдобавок естественный лимит исчерпали, вот и поджимают губы куриной гузкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.